ФИЛОСОФСКАЯ АНАЛИТИКА ЯЗЫКА

DOI: 10.17212/2075-0862-2022-14.4.2-416-430 УДК 165.0

ПРОБЛЕМА РЕФЕРЕНЦИИ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ: ДЕСКРИПТИВНЫЙ И КАУЗАЛЬНЫЙ ПОДХОДЫ

Спешилова Елизавета Ивановна,
магистр философии,
научный сотрудник НОЦ «Гуманитарная урбанистика»
Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого,
Россия, 173003, г. Великий Новгород, ул. Большая Московская, 41
ORCID: 0000-0002-7859-3526
e.speshilova@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению семантики имен собственных в рамках аналитической философии. Автор классифицирует и анализирует существующие подходы к вопросу референции имен собственных – дескриптивную теорию референции и теорию прямой референции, а также выявляет точки их смыслового пересечения. Осуществив сводную формулировку базовых тезисов дескриптивной теории, автор предлагает отличать сильную ее версию от слабой. Согласно сильной версии, представленной, прежде всего, концепциями Г. Фреге и Б. Рассела, имя, по сути, является сокращенной дескрипцией (или конъюнкцией дескрипций), тогда как, согласно слабой версии, восходящей к работам Дж. Сёрла, с именем ассоциируется комплексная дизъюнкция дескрипций. И в первом, и во втором случае именно дескрипции задают денотат имени, иначе говоря, имя указывает на предмет лишь опосредованно. Однако данный подход, как минимум, не учитывает возможность именования некоторого объекта с помощью «ложной» дескрипции, то есть дескрипции, задающей характеристику (-и), которой (-ым) объект не соответствует. Принципиально иным образом семантика имен собственных интерпретируется в теории прямой референции, согласно которой имена суть ярлыки предметов. Референция имени в данном случае определяется либо с помощью каузальной цепочки коммуникации (С. Крипке), либо с помощью исторического объяснения взаимосвязи между тем, кто использует имя, и единичным объектом, который этим именем обозначается (К. Доннелан). Собственно имя понимается как жесткий десигнатор, прямо и строго указывающий на один и тот же объект в любой фактической и контрфактической ситуации. Такой подход позволяет показать, как, например, возможно использование неверной дескрипции для указания на некоторый реальный предмет. Сравнительное исследование названных подходов позволило обнаружить наличие каузальных аспектов

в дескриптивной теории референции и значимость дескриптивных характеристик в теории прямой референции и тем самым более точно описать семантику имен собственных.

Ключевые слова: семантика, имена собственные, референция, смысл, денотат, скрытые дескрипции, теория прямой референции.

Библиографическое описание для цитирования:
Спешилова Е.П. Проблема референции имен собственных: дескриптивный и каузальный подходы // Идеи и идеалы. – 2022. – Т. 14, № 4, ч. 2. – С. 416–430. – DOI: 10.17212/2075-0862-2022-14.4.2-416-430.

Введение

Вопрос о том, как определяется референция имен собственных, является одним из ключевых для аналитической философии. В рамках рассмотрения данного вопроса сформировалось два варианта осмысления соотношения собственных имен и предметов – дескриптивная теория референции и теория прямой референции. Согласно дескриптивному подходу, референция имени определяется смыслом, или синонимично связанной с именем дескрипцией, или кластером дескрипций, то есть задается опосредованно. Согласно теории прямой референции, имена указывают на предметы напрямую, непосредственно, то есть просто являются ярлыками обозначенных объектов. Исторически сложилось так, что в полемике между сторонниками этих двух концепций преимущество получили приверженцы теории прямой референции. Однако, на мой взгляд, дескриптивный подход весьма успешно отражает определенные аспекты практики употребления имен собственных. Более того, даже в каузальной теории референции – одном из вариантов теории прямой референции – можно обнаружить элементы дескриптивизма.

В данной статье я рассматриваю развитие дескриптивной теории референции, классифицирую основные ее версии, а также анализирую два варианта теории прямой референции – каузальную теорию и теорию исторического объяснения. Я целенаправленно делаю акцент не на единичных терминах вообще, а на именах собственных, оставляя за рамками нашего внимания тему референциального функционирования в языке определенных дескрипций [2, 14]. Основная цель исследования – показать взаимное пересечение на первый взгляд диаметрально противоположных подходов к вопросу референции имен собственных и, в частности, продемонстрировать, что 1) каузальность, которая связывается главным образом с теорией прямой референции, характерна и для дескриптивизма, 2) дескриптивные аспекты прослеживаются и в каузальной теории референции.

Две версии дескриптивной теории референции

Дескриптивную теорию референции нередко именуют традиционной или классической теорией значения имен. Согласно этому подходу, имя указывает на объект посредством связанного с ним описания; иначе говоря, «**при опосредованном указании мы уже имеем не обозначение конкретного объекта ярлыком, а ситуацию, когда некоторый объект может соответствовать или не соответствовать условиям детерминирующего описания**» [6, с. 10]. Как пишет Дж. Карни, мы можем отличать сильную версию этой теории от слабой: в сильной версии имя – это сокращенная дескрипция (или конъюнкция дескрипций), тогда как в слабой версии с именем связывается комплексная дизъюнкция дескрипций [18, p. 59]. Рассмотрим данные варианты подробнее.

Сильная версия дескриптивной теории референции имен собственных

Сильная версия восходит к классическим для аналитической философии работам «О смысле и значении» Г. Фреге [15] и «Об обозначении» Б. Рассела [9], в которых были поставлены вопросы тождества, функционирования пустых имен и взаимозаменимости кореференциальных терминов в экстенсиональных / интенсиональных контекстах.

Г. Фреге, начиная с рассуждения о различии познавательной ценности равенства $a = a$ и познавательной ценности равенства $a = b$, где a и b кореференциальны, предлагает связывать с каждым именем смысл (*Sinn*) и значение (*Bedeutung*). Он пишет, что значение имени (обозначаемое, или денотат) – это «определенный предмет», а смысл – то, «в чем выражается конкретный способ задания обозначаемого» [15, с. 231]. В его семантическом проекте «знак / смысл / значение», получившем впоследствии наименование «трехчастная семантика», смысл выступает медиатором, определяющим путь от имени к конкретному предмету. Так, имена a и b в вышеприведенном равенстве разными способами указывают на один и тот же объект, иначе говоря, имеют одно и то же значение, но разные смыслы. При этом под смыслом понимается некоторая объективная информация, перечень уникальных характеристик, которые выделяют из множества существующих объектов тот, что соответствует заданным условиям. К примеру, смыслом имени «Аристотель» может выступать выражение «ученик Платона и учитель Александра» или «автор *Категорий*»; именно дескриптивное содержание, связанное с именем, определяет его денотат. Возможна и такая ситуация, когда смысл задает пустое множество, то есть представляет собой дескрипцию, которая не описывает ни один реальный объект. В этом случае речь идет о пустых именах («Одиссей», «Онегин» и т. д.).

Идею о дескриптивном способе фиксации денотата имен собственных разделяет Б. Рассел, вместе с тем показывая, что дистинкция смысла и значения в семантике Фреге является ошибочной [9, с. 16]. Рассел отказывается выделять смысл в качестве отдельного компонента имени и предлагает двухчастную логико-семантическую систему «знак / значение». Имена собственные при этом трактуются как сокращенные или скрытые определенные дескрипции, то есть как неполные, предикативные символы, получающие свое значение только в контексте предложения; это позволяет элиминировать их из числа выражений, имеющих прямую референцию [11, с. 270]. Например, имя «Аполлон» может интерпретироваться как дескрипция «Бог-Солнце», а «Сократ» – как «учитель Платона» или «философ, выпивший чашу цикуты» [10, с. 26]. Этот подход дает возможность успешно решить вопрос непротиворечивого анализа отрицательных экзистенциальных высказываний, однако в ряде других аспектов он является не столько решением семантических проблем, сколько методом их элиминации.

Применение и развитие расселовской теории имен как дескрипций можно увидеть в текстах Г. Райла и У. В. О. Куайна. Согласно Райлу, в определенных случаях «грамматическое подлежащее, выраженное в слове или фразе, *как кажется*, обозначает нечто или указывает на что-то», но «фактически этот кажущийся субъектный термин – это скрытое предикативное выражение» [8, с. 197]. Предложение с сингулярным термином «Бог существует» он предлагает перевести как «нечто, и притом только оно одно, является всеведающим, всемогущим и безгранично добрым» [8, с. 195], т. е. имя «Бог» выступает здесь как скрытая дескрипция. Куайн показывает, что пустое имя «Пегас» также может пониматься как сокращенная дескрипция («крылатый конь, пойманный Беллерофонтом»). Более того, он пишет, что даже в случае отсутствия известного нам дескриптивного содержания имени «Пегас» его (имя) можно трактовать как свойство «быть Пегасом», выраженное через «глагольную форму “являться Пегасом” или “пегаситься”» [4, с. 13]. Иными словами, имена собственные анализируются как предикаты, связанные квантором существования, а не как субъектные термины, имеющую прямую референцию.

Таким образом, согласно сильной версии дескриптивной теории референции имен собственных, когда некто говорит «*a* есть *F*», где *a* – имя собственное, а *F* – предикат, он говорит, что «такой-то и такой-то (so-and-so) есть *F*» [18, p. 59]. Вместе с тем подобное сведение имени к дескрипции сталкивается с определенными трудностями. Допустим, что мы трактуем имя «Аристотель» как сокращение дескрипции «греческий философ, который родился в Стагире». Затем, предположим, обнаружится, что Аристотель родился не в Стагире, а в Фивах. В таком случае будет логичным за-

ключить, что Аристотель не есть Аристотель. Однако в действительности данное открытие не станет причиной изменения значения имени или поводом для утверждения, что Аристотеля вовсе не существовало [23, p. 168]. Ряд критических аргументов в адрес расселовской теории имен собственных как скрытых дескрипций выдвинул С. Крипке в работе «Именование и Необходимость» [23, p. 30–31]. Он пишет, что распространенный вариант решения подобных трудностей состоит в том, чтобы связывать с именем не какое-либо одно описание, а кластер (набор) или семейство дескрипций. Таким образом, мы можем перейти к рассмотрению слабой версии дескриптивной теории референции имен собственных, или, иначе говоря, кластерной теории именования.

Слабая версия дескриптивной теории референции имен собственных

Слабую версию принято возводить к статье «Proper Names» Дж. Сёрла [24]. Нередко к сторонникам кластерного подхода причисляют и Л. Витгенштейна [3, 22], однако в рамках настоящего исследования мы не будем останавливаться на этом отдельно, поскольку многие авторы отмечают, что такая интерпретация является ошибочной [16–18].

Дж. Сёрл начинает свою статью с вопроса о том, имеют ли имена собственные смысл. Он пишет, что, согласно теории прямой референции, имена собственные имеют, по сути, референцию, но не смысл, т. е. они денотативны, но не коннотативны. В то время как, согласно фреге-расселовскому дескриптивному подходу, имена собственные имеют, по сути, смысл и лишь условно референцию, то есть они референтны только при условии, что один и только один объект удовлетворяет их смыслу [24, p. 169]. С точки зрения самого Сёрла, имена – это «крючки», «колышки» (pegs), на которые можно навесить дескрипции [24, p. 172]. При использовании имени, как правило, не утверждаются и не конкретизируются какие-то характеристики обозначаемого объекта, тем не менее предполагается, что ряд уникальных описаний является истинным относительно него. Именно в этом заключается прагматическое удобство имен собственных: они позволяют нам указывать на объекты в процессе коммуникации, называть их, не поднимая дополнительные вопросы о том, что данный объект собой представляет и какие свойства определяют его идентичность. В большинстве случаев такая расплывчатость ассоциируемых с именем характеристик и самих критериев тождества для индивидуумов не является проблематичной.

Данный подход перекликается с позицией Стросона, который считает, что у имен нет дескриптивного значения, однако их референт определяется группой идентифицирующих дескрипций, связанных с именем в конкретном языковом сообществе. Если точнее, Стросон ведет речь об идентифицирующей референции, основывающейся на идентифицирующем знании,

то есть знании о существовании определенного единичного объекта, уникальным образом выделенного среди прочих [13, с. 70–71]. Факт существования и идентификации объекта, о котором ведется речь, относится к области пресуппозиций спикера и слушателя: люди «обычно справедливо полагают, что обладают большим фондом общих знаний об отдельных объектах»; «очень часто говорящий знает или предполагает, что объект, идентифицирующим знанием которого он обладает, также известен слушающему» [12, с. 112]. При этом если мы попросим разных людей, которые, к примеру, используют имя «Сократ», обозначая античного философа, записать ключевые факты о Сократе и на основании этих фактов составить комплексную дескрипцию, то для успешной референции потребуется, чтобы существовало одно и только одно лицо, относительно которого будет истинной основная *часть* этих дескриптивных характеристик [25, p. 191–192].

Таким образом, с именем собственным может связываться кластер различных дескрипций, однако само имя не будет эквивалентно этому набору. Сёрл, как и Стросон, неоднократно пишет о том, что ассоциируемые с именем характеристики относятся к области пресуппозиций (*descriptive presuppositions*), а не к области утверждаемого в предложении. Следовательно, имена собственные не используются для описания или указания свойств объектов, однако наличие некоторых дескриптивных характеристик, «навешанных» на имя, предполагается. Иными словами, можно сказать, что существует «комплексная дизъюнкция дескрипций, настолько связанных с именем, что когда *A* говорит, что *a* есть *F*, то он говорит, что достаточное, но неопределенное число этих дескрипций удовлетворяется *x* и что *x* есть *F*» [18, p. 59]. Более того, Сёрл был одним из первых, кто показал, что дескриптивное содержание, ассоциируемое с именем или прямо выраженное им, может являться ложным по отношению к референту, но тем не менее функционировать как идентифицирующее. К примеру, Священная Римская империя не была ни священной, ни римской, но тем не менее была Священной Римской империей: дескриптивные параметры в данном случае неверно характеризуют именуемый объект, однако это не мешает референтному использованию имени. Именно на этот аспект обратили пристальное внимание сторонники теории прямой референции К. Доннелан и С. Крипке, показавшие, что референция имени собственного не зависит от какого-либо дескриптивного содержания.

Каузальная цепь коммуникации и историческое объяснение в теории прямой референции

Истоки теории прямой референции восходят к концепции имен Дж.С. Милля. С его точки зрения, имена «указывают на означаемые ими предметы, но не дают, не заключают в себе никаких признаков, которые

принадлежали бы этим отдельным предметам» [7, с. 81], иначе говоря, имена не являются коннотативными терминами и не зависят от того, обладает ли предмет какими-либо свойствами или нет. Имена суть только знаки, ярлыки, которые просто выделяют объект среди множества иных объектов. Даже если изначально существовали причины, по которым было дано конкретное имя, в дальнейшем смысл имени никак не влияет на определение референта. К примеру, некий город могли назвать Приозерск, поскольку он был расположен возле озера, но даже если бы впоследствии озеро внезапно пересохло, Приозерск не перестал бы быть Приозерском. Так имя оказывается просто условной меткой соответствующего предмета. Однако если референт не задается ни смыслом имени, ни связанными с именем дескрипциями, то как тогда он определяется?

С. Крипке, отвечая на этот вопрос, пишет о *каузальной цепи коммуникации*, в которой «соотнесение имени с конкретным объектом происходит в результате последовательного обозначения данным именем одного и того же объекта разными говорящими» [1, с. 46]. Истоком появления данной цепочки является церемония именования объекта:

«Допустим, рождается младенец; родители называют его определенным именем. Они рассказывают о нем своим друзьям. Другие люди знакомятся с ним. Через различные разговоры имя передается от звена к звену, как по цепочке» [23, p. 91].

В такой непрерывной цепочке коммуникации референция имени определяется инициирующим событием, которое затем «тиранически» управляет всяким последующим его употреблением [19], и дальнейшая практика использования имени не может повлиять на изменение его референции. Человек может даже не помнить, как и от кого он узнал о референте некоторого имени, может не знать о деталях этого первоначального акта «крещения» и не связывать с именем какие-либо идентифицирующие дескрипции, однако он тем не менее будет применять имя для референции к исходному объекту. С точки зрения Крипке, имя является жестким десигнатором, то есть непосредственно обозначает один и тот же объект в любом из возможных миров, тогда как определенные дескрипции относятся к числу нежестких десигнаторов, поскольку могут указывать на разные объекты в различных возможных мирах. Жесткими десигнаторами, например, будут имена «Андрей Тарковский», «Владимир Набоков», а нежесткими – соответствующие определенные дескрипции «режиссер фильма *Сталкер*», «автор *Лолиты*». Следуя рассуждениям Крипке, мы можем представить, что автором *Лолиты* мог оказаться Бродский, а не Набоков, однако в любой контрфактической ситуации Набоков останется Набоковым.

Аналогичный подход развивает К. Доннелан, предложивший *теорию исторического объяснения* референции имен собственных [20]. Он отмечает, что идеи, похожие на те, что он выражает, зачастую именуются каузаль-

ной теорией, однако предпочитает не использовать термин «каузальный», поскольку считает, что не все звенья референциальной цепочки обусловлены причинно-следственными связями. Согласно теории исторического объяснения, имена собственные не являются скрытыми дескрипциями, а их референция не зависит от дескриптивного содержания имени. Успешная референция при употреблении спикером имени *N* имеет место в том случае, когда существует индивидуум (единичный объект), который входит в исторически верное объяснение того, о ком именно спикер намеревался нечто сказать. Тогда этот единичный объект является референтом имени *N*, а само предложение, в составе которого используется имя, будет истинным или ложным в зависимости от того, обладает ли объект свойством, которое ему предицируется. Иначе говоря, между человеком и тем, что он обозначает, должна быть некая историческая связь: например, он мог встречать этот объект в своем эмпирическом опыте или знать о том, что он существовал, на основании исторических источников, со слов других людей и т. д. При этом «исторический» здесь означает не только относящийся к ходу мировой истории, но и имеющий отношение к истории жизни конкретного человека.

У теории прямой референции есть два важных преимущества по сравнению с теорией дескрипций. Во-первых, она показывает, что когда между говорящим и тем единичным объектом, который обозначается именем, отсутствует историческая / каузальная связь, то, даже если дескрипции говорящего весьма точно описывают определенный объект, этот объект не является референтом употребленного имени. И, во-вторых, наличие определенной исторической связи между употреблением имени для обозначения некоторого объекта и самим спикером может сделать этот объект референтом даже такой дескрипции, которая не описывает его правильным образом.

Однако действительно ли каузальная теория референции и теория исторического объяснения полностью свободны от дескриптивизма? Есть основания полагать, что это не так.

Дескриптивность и каузальность в теориях референции имен собственных

Одно из основных критических замечаний в адрес теории дескрипций со стороны Крипке заключалось в том, что дескриптивисты, по его мнению, упускают из виду социальный характер именования. С точки зрения Крипке, кластерная теория дескрипций выглядит так, словно дескриптивное определение референта некоторого имени задается человеком, «изолированным в комнате», а языковое сообщество при этом полностью игнорируется [23, p. 91]. Однако никто из упомянутых дескриптивистов не

придерживался такой точки зрения. Например, Г. Фреге ясно различал *смысл* как общее достояние многих людей, некую объективную информацию об объекте и *представление* как субъективное, основанное на чувствах восприятие объекта [15, с. 232]. А Дж. Сёрл считал, что утверждение «Аристотель никогда не существовал» означает, что достаточное количество *конвенциональных* предпосылок и дескриптивных характеристик, связанных с использованием имени «Аристотель», ложны [24, p. 173]. Предложенное Крипке изложение дескриптивной теории презентует ее в максимально нелестном свете, но при этом не соответствует взглядам самих сторонников дескриптивизма.

Более того, в дескриптивной теории референции имен собственных можно обнаружить и характерное для теории прямой референции понятие каузальности. Сёрл соглашается с тем, что существуют исторические цепочки, по которым имена передаются от человека к человеку, да и Фреге пишет о том, что смыслы, связанные с именами, транслируются от одного поколения к другому. Дескрипцию, как и само имя, связывают с объектом либо на основании некоторого опыта непосредственного взаимодействия с ним, либо на основании знакомства с опытом других людей и с теми сведениями, которыми они располагают. Иначе говоря, референция имени определяется не просто некой случайной дескрипцией, но такой дескриптивной информацией, которая так или иначе передается по каузальной цепочке от одного звена сообщества к другому и принимается большинством из них.

Помимо этого, если мы внимательно проследим за ходом мысли представителей теории прямой референции имен собственных, то увидим, что «проект каузальной теории референции представляется невозможным без дескриптивной составляющей» [5, с. 110]. Так, Крипке не отрицает того, что при первоначальном акте именования объекта зачастую принимаются во внимание его дескриптивные свойства, а значит, «постулирование денотата невозможно без его дескриптивной детерминации» [5, с. 111]. В дальнейшем, по мнению Крипке, данные дескрипции не будут играть роли при определении денотата, поскольку референция будет гарантироваться причинно-следственной связью самого объекта и спикера. Тем не менее для говорящего оказывается значимым наличие дескриптивной идентификации, помогающей обозначить некий объект.

Как показывает Г. Эванс [21], проект каузальной теории референции, предложенный Крипке, игнорирует важность контекста употребления имени и значимость интенций говорящих при использовании имени для обозначения некоторого объекта. В частности, простой пример изменения денотата имени будет являться контраргументом для «чистой» каузальной теории, согласно которой имя выступает жестким десигнатором, то

есть не может указывать на объект, отличный от изначально постулированного. Случаи такого изменения денотата можно не только представить, но и действительно встретить в реальной языковой практике. Это подтверждает ситуация с именем «Мадагаскар», когда Марко Поло в результате неверной интерпретации чужих слов стал использовать искаженную форму названия части африканского материка (Madageiscar) для обозначения острова, и именно такое использование имени получило распространение. Кроме того, можно представить следующий случай, показывающий неадекватность подхода Крипке: допустим, рождаются два младенца, которым матери дают имена; однако затем медсестра случайно меняет их местами, и данная врачебная ошибка остается тайной. Согласно каузальной теории, впредь будет неоспоримым тот факт, что человек, которого все знают как «Джек», назван так потому, что некая женщина окрестила этим именем какого-то другого ребенка. Очевидно, что подобный вывод является контринтуитивным, а значит, каузальная теория требует переосмысления, которое позволит непроблематичным образом рассматривать феномен изменения денотата имени.

Гарет Эванс предлагает считать, что каузальная связь на самом деле лежит не между тем, что предмет получил название, и тем, что говорящий использует его, а между состояниями и действиями этого предмета и совокупностью информации говорящего о нем: в таком случае необходимым условием того, что x является предполагаемым референтом имени, использованным S, служит то, что x должен быть источником каузального происхождения совокупности информации, которую S ассоциирует с данным именем [21, p. 197–198]. Вследствие ошибочной идентификации предмет, являющийся источником некоторой информации, может оказаться отличным от того предмета, к которому эту информацию относят в коммуникативном сообществе. Иначе говоря, кластер информации, связанный с именем, в ряде случаев может доминировать по отношению к самому предмету и, более того, содержать элементы, источник которых совершенно иной. Таким образом, мы видим, что так называемая каузальная теория не может оставаться исключительно каузальной и полностью изолированной от дескриптивных характеристик, которые говорящий связывает с обозначаемым объектом.

Заключение

Исследование различных вариантов дескриптивной теории референции и теории прямой референции показывает, что у этих, на первый взгляд, принципиально различных подходов к семантике имен собственных существуют определенные общие места. Каузальная теория оказывается связана с дескриптивными параметрами, ассоциируемыми с именем либо на эта-

пе первоначального именования объекта, либо в самом процессе передачи информации об имени по коммуникативной цепочке. Вместе с тем и в дескриптивной теории латентным образом фигурирует понятие каузальности, поскольку связанные с именем смыслы передаются от поколения к поколению, то есть от одного звена коммуникации к другому. Наличие некоторых взаимных пересечений, конечно, не означает возможности сведения одного подхода к другому: каждый из них отражает те или иные аспекты практики употребления имен собственных. Однако выявление подобных нюансов имеет определенную ценность, поскольку демонстрирует не только многоаспектность, но и комплементарность существующих теорий и позволяет более комплексно взглянуть на семантику имен собственных.

Литература

1. *Алимурадов О.А.* Кластерная теория референции и семантика имен: краткие заметки на полях // Филология и человек. – 2008. – № 1. – С. 42–50.

2. *Борисов Е.В.* Референциальное употребление определенных дескрипций: семантический и прагматический подходы // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2014. – № 4 (28). – С. 18–25.

3. *Витгенштейн Л.* Философские исследования. – М.: АСТ, 2018. – 352 с.

4. *Куайн У.В.О.* О том, что есть / пер. с англ. В.А. Ладова, В.А. Суровцева // У.В.О. Куайн. С точки зрения логики: 9 логико-философских очерков. – Томск: Изд-во ТГУ, 2003. – С. 7–23.

5. *Куслий П.С.* Имена, дескрипции и проблема жесткой десигнации // Эпистемология и философия науки. – 2008. – № 2. – С. 103–118.

6. *Куслий П.С.* Референция единичных терминов // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2009. – № 4 (8). – С. 5–21.

7. *Милль Дж.С.* Система логики силлогистической и индуктивной. – М.: Ленанд, 2001. – 832 с.

8. *Райл Г.* Систематически дезориентирующие выражения // Эпистемология и философия науки. – 2010. – № 3. – С. 190–216.

9. *Рассел Б.* Об обозначении / пер. с англ. В.А. Суровцева // Язык, истина, существование. – Томск: Изд-во ТГУ, 2002. – С. 7–22.

10. *Рассел Б.* Философия логического атомизма / пер. с англ. В.А. Суровцева. – Томск: Водолей, 1999. – 192 с.

11. *Спешилова Е.П.* Логико-онтологические проблемы референции пустых терминов: версия Б. Рассела // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2013. – Вып. 9 (137). – С. 268–272.

12. *Стросон П.Ф.* Идентифицирующая референция и истинностное значение / пер. с англ. Г.Е. Крейдлина // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 13. Логика и лингвистика (проблемы референции). – М.: Радуга, 1982. – С. 109–133.

13. *Стросон П.Ф.* О референции / пер. с англ. Л.Б. Лебедевой // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 13. Логика и лингвистика (проблемы референции). – М.: Радуга, 1982. – С. 55–86.

14. *Суровцев В.А.* О возможности двух интерпретаций определенных дескрипций // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2015. – № 2 (30). – С. 221–228.

15. *Фреге Г.* О смысле и значении // Фреге Г. Логика и логическая семантика: сборник трудов. – М.: Аспект Пресс, 2000. – С. 230–246.

16. *Boersema D.B.* Wittgenstein on Names // Essays in Philosophy. – 2000. – Vol. 1 (2). – Art. 7. – URL: https://commons.pacificu.edu/work/sc/67ee10e6-45f7-421a-ae0d-83ff3d0e217f (accessed: 01.12.2022).

17. *Cappio J.* Wittgenstein on proper names or: Under the circumstances // Philosophical Studies. – 1981. – Vol. 39 (1). – P. 87–105.

18. *Carney J.D.* Wittgenstein's theory of names // Australasian Journal of Philosophy. – 1974. – Vol. 57 (1). – P. 59–68.

19. *Cumming S.* Names // The Stanford Encyclopedia of Philosophy, 2019. – URL: https://plato.stanford.edu/archives/fall2019/entries/names/ (accessed: 01.12.2022).

20. *Donnellan K.S.* Speaking of Nothing // The Philosophical Review. – 1974. – Vol. 83, No. 1. – P. 3–31.

21. *Evans G.* The Causal Theory of Names // Aristotelian Society Supplementary Volume. – 1973. – Vol. 47 (1). – P. 187–208.

22. *Geach P.T.* Lecture notes // A Companion to Wittgenstein's "Philosophical Investigations". – Cornell University Press, 1977.

23. *Kripke S.* Naming and Necessity. – Harvard University Press, 1972.

24. *Searle J.* Proper Names // Mind. – 1958. – Vol. 67, N 266. – P. 166–173.

25. *Strawson P.F.* Individuals: An Essay on Descriptive Metaphysics. – London, 1959.

Статья поступила в редакцию 07.05.2022.
Статья прошла рецензирование 29.06.2022.

DOI: 10.17212/2075-0862-2022-14.4.2-416-430

ON REFERENCE OF PROPER NAMES: DESCRIPTIVE AND CAUSAL APPROACHES

Speshilova, Elizaveta,
Master of Philosophy, Research Fellow,
Scientific and Educational Center "Humanitarian Urbanism",
Yaroslav-the-Wise Novgorod State University,
41 Bolshaya Sankt-Peterburgskaya Street, Velikiy Novgorod, 173003, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-7859-3526
e.speshilova@yandex.ru

Abstract

The article considers the semantics of proper names in the context of analytical philosophy. The author classifies and analyzes the existing approaches to the issue of proper names reference (the descriptive theory of reference and the direct reference theory) and also reveals the points of their mutual intersection. After briefly defining the main theses of descriptive theory, the author proposes to distinguish its strong version from the weak one. According to the strong version, presented primarily by the works of G. Frege and B. Russell, the name, in fact, is a disguised description (or conjunction of descriptions), while, according to the weak version, dating back to the works of J. Searle, a name is associated with a complex disjunction of descriptions. In both the first and second cases, it is the descriptions that specify the denotation of the name; in other words, the name indicates the object only indirectly. However, this approach, at least, does not take into account the possibility of naming an object using a 'false' description, that is, a description that specifies the characteristic(s) to which the object does not correspond. The semantics of proper names is interpreted in a fundamentally different way in direct reference theory, according to which names are labels for objects. The reference of the name in this case is determined either with the help of a causal chain of communication (S. Kripke), or with the help of a historical explanation of the relationship between the one who uses the name and the singular object that is designated by that name (K. Donnellan). The name itself is understood as a rigid designator, directly and strictly pointing to the same object in any factual or counterfactual situation. This approach allows us to show how, for example, it is possible to use an incorrect description to refer to a certain subject. The comparative study of these theories made it possible to discover the presence of causal aspects in the descriptive theory of reference and the significance of descriptive characteristics in the direct reference theory, and thereby more accurately describe the semantics of proper names.

Keywords: semantics, proper names, reference, meaning, denotation, disguised descriptions, direct reference theory.

Bibliographic description for citation:
Speshilova E. On Reference of Proper Names: Descriptive and Causal Approaches. *Idei i idealy* = *Ideas and Ideals*, 2022, vol. 14, iss. 4, pt. 2, pp. 416–430. DOI: 10.17212/2075-0862-2022-14.4.2-416-430.

References

1. Alimuradov O.A. Klasternaya teoriya referentsii i semantika imen: kratkie zametki na polyakh [Cluster Theory of Reference and the Semantics of Names: A brief note on the margins]. *Filologiya i chelovek = Philology and Human*, 2008, no. 1, pp. 42–50.

2. Borisov E.V. Referentsial'noe upotreblenie opredelennykh deskriptsii: semanticheskii i pragmaticheskii podkhody [Referential Use of Definite Descriptions: Semantic and Pragmatic Approaches]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya = Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 2014, no. 4 (28), pp. 18–25.

3. Wittgenstein L. *Filosofskie issledovaniya* [Philosophical Investigations]. Moscow, AST Publ., 2018. 352 p. (In Russian).

4. Quine W.V.O. On What There Is. Quine W.V.O. *S tochki zreniya logiki: 9 logiko-filosofskikh ocherkov* [From a logical point of view: 9 logico-philosophical essays]. Tomsk, TSU Publ., 2003, pp. 7–23. (In Russian).

5. Kuslii P.S. Imena, deskriptsii i problema zhestkoi designatsii [Names, descriptions, and the problem of rigid designation]. *Epistemologiya i filosofiya nauki = Epistemology and Philosophy of Science*, 2008, no. 2, pp. 103–118.

6. Kuslii P.S. Referentsiya edinichnykh terminov [Reference of singular terms]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya = Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 2009, no. № 4 (8), pp. 5–21.

7. Mill J.S. *Sistema logiki sillogisticheskoi i induktivnoi* [A System of Logic, Ratiocinative and Inductive]. Moscow, Lenand Publ., 2001. 832 p. (In Russian).

8. Ryle G. Systematically Misleading Expressions. *Epistemologiya i filosofiya nauki = Epistemology and Philosophy of Science*, 2010, no. 3, pp. 190–216. (In Russian).

9. Russell B. On Denoting. *Yazyk, istina, sushchestvovanie* [Language, truth, existence]. Tomsk, TSU Publ., 2002, pp. 7–22. (In Russian).

10. Russell B. *Filosofiya logicheskogo atomizma* [The Philosophy of Logical Atomism]. Tomsk, Vodolei Publ., 1999. 192 p. (In Russian).

11. Speshilova E.I. Logiko-ontologicheskie problemy referentsii pustykh terminov: versiya B. Rassela [Logical and Ontological Problems of "Empty" Terms Reference's: Version by B. Russell]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2013, iss. 9 (137), pp. 268–272.

12. Strawson P.F. Identifying Reference and Truth-Values. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike*. Vyp. 13. *Logika i lingvistika (problemy referentsii)* [Innovations in Foreign Linguistics. Vol. 13. Logic and Linguistics (Problems of Reference)]. Moscow, Raduga Publ., 1982, pp. 109–133. (In Russian).

13. Strawson P.F. On Referring. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike*. Vyp. 13. *Logika i lingvistika (problemy referentsii)* [Innovations in Foreign Linguistics. Vol. 13. Logic and Linguistics (Problems of Reference)]. Moscow, Raduga Publ., 1982, pp. 55–86. (In Russian).

14. Surovtsev V.A. O vozmozhnosti dvukh interpretatsii opredelennykh deskriptsii [On the Possibility of the Two Interpretations of Definite Description]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya = Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 2015, no. 2 (30), pp. 221–228.

15. Frege G. O smysle i znachenii [On Sense and Reference]. Frege G. *Logika i logicheskaya semantika* [Logic and logical semantics]. Moscow, Aspekt Press, 2000, pp. 230–246. (In Russian).

16. Boersema D.B. Wittgenstein on Names. *Essays in Philosophy*. 2000, vol. 1 (2), art. 7. Available at: https://commons.pacificu.edu/work/sc/67ee10e6-45f7-421a-ae0d-83ff3d0e217f (accessed: 01.12.2022).

17. Cappio J. Wittgenstein on proper names or: Under the circumstances. *Philosophical Studies*, 1981, vol. 39 (1), pp. 87–105.

18. Carney J.D. Wittgenstein's theory of names. *Australasian Journal of Philosophy*, 1974, vol. 57 (1), pp. 59–68.

19. Cumming S. Names. *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*, 2019. Available at: https://plato.stanford.edu/archives/fall2019/entries/names/ (accessed 01.12.2022).

20. Donnellan K.S. Speaking of Nothing. *The Philosophical Review*, 1974, vol. 83, no. 1, pp. 3–31.

21. Evans G. The Causal Theory of Names. *Aristotelian Society Supplementary Volume*, 1973, vol. 47 (1), pp. 187–208.

22. Geach P.T. Lecture notes. *A Companion to Wittgenstein's "Philosophical Investigations"*. Cornell University Press, 1977.

23. Kripke S. *Naming and Necessity*. Harvard University Press, 1972.

24. Searle J. Proper Names. *Mind*. 1958, vol. 67, no. 266, pp. 166–173.

25. Strawson P.F. *Individuals: An Essay on Descriptive Metaphysics*. London, 1959.

The article was received on 07.05.2022.
The article was reviewed on 29.06.2022.